

Олег Несторович Дамения –
руководитель Центра стратегических
исследований при президенте
Республики Абхазия, кандидат
философских наук, доцент

Кавказская культура в контексте евразийской интеграции

Кавказ в евразийском дискурсе

Катастрофические последствия новой глобальной перестройки мира по англосаксонскому проекту, начавшейся на рубеже веков и продолжающейся поныне, стали уже достаточно очевидными. В результате перед каждой культурой остро встала задача самосохранения. То же можно сказать и о культуре русской – не говоря уже о культуре кавказской. Ответом на этот глобальный вызов явилось движение стран и народов за объединение по региональному принципу. Именно в таком контексте идея евразийской интеграции вновь стала востребованной и осознается элитами не только России, но и других стран. Успех – равно как и неуспех – таких региональных геополитических про-

ектов во многом зависит не только и, быть может, не столько от воли и желания правящих элит, сколько от общей культурной составляющей, на базе которой предполагается интегрирование разных стран и народов. При наличии у них общей цели, модели жизнеустройства и системы ценностной ориентации их объединение может превратиться в дееспособный и долгосрочный проект.

Между тем евразийское пространство является сложной территорией, характеризующейся большим социокультурным разнообразием. Интегрирование представленных здесь стран и народов в некое единое и слаженно функционирующее сообщество требует глубокого учета как своеобразия каждого из них в отдельности, так и присущих им общих ценностей.

«Горы, горы и горы без конца и краю»

Это высказывание о Кавказе Антона Чехова очень точно характеризует специфику всего региона. В культурном разнообразии евразийского пространства Кавказ заметно выделяется своим природно-климатическим и социокультурным своеобразием, которое необходимо учитывать, чтобы органично включить этот регион в евразийский интеграционный процесс.

В географическом плане Кавказ представляет собой звено в общей горной системе, начинающейся с Пиренейского полуострова и продолжающейся по параллели до Юго-Восточной Азии. В ходе геологической эволюции здесь образовалась единая ландшафтная система, состоящая из трех подсистем — высокогорной, предгорной и равнинной. Особенности этой системы являются четко выраженные широтная и высотная зональности ландшафтов. На сравнительно небольшом расстоянии между низменностью и Главным хребтом Большого Кавказа встречаются почти все зоны — от субтропической до «полярной пустыни» альпийской зоны.

Кавказ выделяется и климатическими особенностями. Вследствие происходящих здесь атмосферных процессов — в частности, слияния северных холодных воздушных массов с теплыми южными воздушными потоками — формируется своеобразный климат, способствующий биологическому разнообразию региона. Здесь на единице пространства концентрируется сравнительное большое количество биологических объектов.

Человек в горах

Природно-климатические условия Кавказа, сочетание аллювиальных равнин с хол-

Илья Занковский. Согратлинская перевала

Человек вынужден обживать в условиях горных теснин, ограниченности земельных угодий и ресурсной базы. К этим условиям ему приходится больше адаптироваться, чем приспосабливать их к своим потребностям. Подобные условия сказываются даже на его походке, показавшейся в свое время Чехову походкой ленивого человека.

мистыми предгорьями и высокогорьем, а также его выгодное геостратегическое положение весьма благоприятствуют жизнедеятельности человека. Вместе с тем жизнь человека в горах сопряжена с большими трудностями. Территория, которую он осваивает, состоит из одних гор. Здесь нет избытка пространственного простора,

как на равнине, и перемещение предельно затруднено. Человек вынужден обживать в условиях горных теснин, ограниченности земельных угодий и ресурсной базы. К этим условиям ему приходится больше адаптироваться, чем приспосабливать их к своим потребностям. Подобные условия сказываются даже на

его походке, показавшейся в свое время Чехову походкой ленивого человека.

Освоение горной территории эффективнее, когда оно осуществляется немногочисленными группами. Данное обстоятельство, несомненно, влияло на образование здесь чрезвычайного разнообразия этносоциальных общностей. При этом каждой из них не составляло особого труда определить границы своей территории — горный ландшафт сам по себе хорошо структурирован, этнические границы часто совпадают с границами определенных экологических ниш. В горах человек вынужден строже соразмерять свои потребности с возможностями занимаемого им сегмента пространства. От возможностей этого сегмента он зависим гораздо больше, чем на равнине. А потому ему приходится строить свою жизнедеятельность в соответствии с нормами биогеоценоза и более рачительно относиться к ресурсному потенциалу среды своего обитания. Он должен потреблять столько, сколько ему позволяет среда.

Социальная организация

Под влиянием этих обстоятельств на Кавказе сложился особый тип социальной организации, которая заметно отличалась от равнинных общественных структур. Такая организация состояла из множества хорошо организованных, адаптированных к горным условиям и стабильно самоуправлявшихся этносов. Они отличались между собой по многим признакам (например, по языку, генезису и др.), но в то же время были однотипны с точки зрения структурной организации, менталитета и ментальности, ценностной ориентации и пр. Внутрисоциальная жизнь этноса была довольно жестко структуриро-

вана, упорядочена, нормирована и стабильна. Его основные структурные элементы (человек, семья, род, сословия, община и т.п.) взаимодействовали и функционировали четко и слаженно. Имущественные и сословные различия между ними отнюдь не мешали им стремиться поддерживать сплоченность друг с другом.

Человек был здесь доволен своим положением в обществе и дорожил им. У него не было остро осознаваемой потребности в изменении (совершенствовании) своего общества. Он его рассматривал как нечто готовое, в котором ему оставалось только жить. Такая организация этнической общности позволяла личности весьма успешно поддерживать свой социальный гомеостаз (безопасность, производство и воспроизводство жизни). Его общественный потенциал трагически главным образом на сохранение и укрепление этнической общности, через которую он идентифицировал себя. Идея социального развития была, как и на Востоке, ему чужда — то есть структурная организация этноса имела консервативный, традиционный характер.

Этнос в пространственно-временном континууме

Несмотря на миниатюрность горного этноса, он был достаточно сложным по своей структурной организации. Этнос, как и его территория, был разнообразным. Он делился не только по пространственной горизонтали (субэтносы и др.), но и по вертикали — «высотной зональности» (термин исследователя Асланбея Темботова). Главными из этих зон являлись равнина, предгорье и высокогорье, в зависимости от которых видоизменялся образ жизни (хозяйственная дея-

тельность, быт, нравы и др.) представителей одного и того же этноса. Следы такого деления горного этноса наблюдаются и сегодня.

Освоение горной территории, как уже отмечалось, было сопряжено с серьезными трудностями. Оно требовало выработки специфических навыков и способностей. Но главный бич этноса в горах — острый дефицит земли. При этом горцев не прельщало присвоение чужой территории. Стремление к такой экспансии могло иметь губительные последствия, поэтому оно табуировалось. Групповые набег, совершавшиеся здесь в прошлом, не имели территориального (межэтнического) характера. Выражаясь в терминах Йохана Хейзинги, в них явно преобладал «игровой элемент».

Идея расширения своего жизненного пространства была чужда горному этносу. Территория Кавказа этнически четко структурировалась, и межэтнические границы здесь реже нарушались, чем на равнине. Чтобы решить внутренние проблемы, этнической общности приходилось ограничивать собственные потребности и довольствоваться своей территорией. Эта территория воспринималась членами общности не только и не столько как кормилица, сколько как усыпальница предков, память о которых всегда сакральна. Жители этих мест хорошо осознавали свою изначальную укорененность в собственной этнической территории, вне которой себя не мыслили.

Члены этнической общности опирались главным образом на унаследованный ими социальный опыт предков. Повторение опыта предыдущих поколений последующими являлось доминирующим способом существования людей в горах. Разумеется, и при этом

исторический опыт не оставался неизменным, он в определенной степени корректировался, совершенствовался, шлифовался, обновлялся. Эти изменения происходили медленно, постепенно, эволюционно и почти незаметно для самосознания людей, что способствовало стабильности их жизни. Человеку не приходилось заниматься реорганизацией, переделыванием исторически сложившегося уклада жизни, ему были чужды идеи социальной креативности, конструирования, реформирования, революции. Даже тогда, когда происходили такие качественные изменения (добывание огня, неолитическая революция, промышленный переворот и др.), они занимали длительное время и совершались незаметно для общественного сознания.

В соответствии с этим опытом воспринималось и время, течение которого измерялось главным образом по природным явлениям. Поскольку эти явления осознавались как повторяющиеся по круговороту, то в соответствии с этим осмысливалось и течение времени — как повторяющееся, циклическое, а не как линей-

Идея расширения своего жизненного пространства была чужда горному этносу. Территория Кавказа этнически четко структурировалась, и межэтнические границы здесь реже нарушались, чем на равнине. Чтобы решить внутренние проблемы, этнической общности приходилось ограничивать собственные потребности и довольствоваться своей территорией.

ное. Не только настоящее, но и будущее время представлялось как повторение прошлого.

При этом в силу определяющей роли опыта предков в жизни действующего поколения лучшее время оказывалось в прошлом. Прошлое воспринималось как нечто идеальное, совершенное, сакральное, с которым соизмерялось и на фоне которого оценивалось настоящее. Это прошлое изображалось в возвышенных образах как предмет гордости и эталон для подражания. Критическое отношение к нему, к опыту предков, не допускалось. Люди стремились быть похожими на своих предков, они ими гордились. Этим было обусловлено и особое, подчеркнуто почтительное отношение к старшим, и существование культа старца как живого носителя мудрости прошлого.

Исходя из прошлого, люди

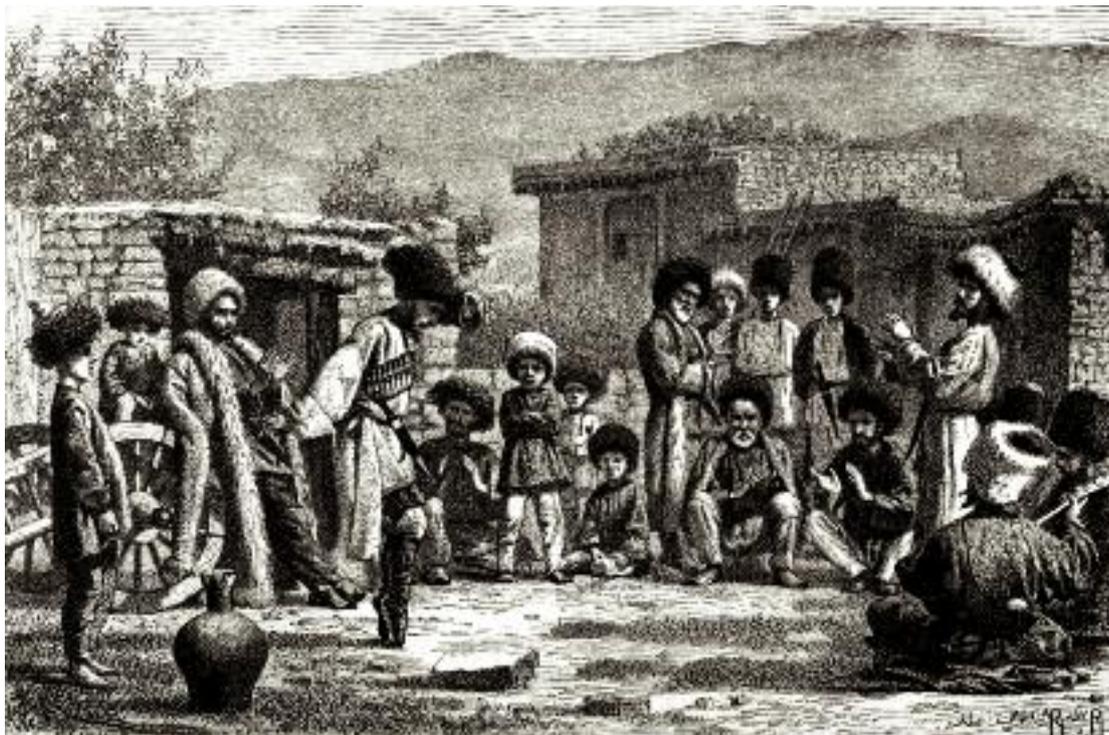
ориентировались в жизни и формировали свое будущее. Социальное конструирование здесь сводилось к выстраиванию будущего по образу и подобию прошлого, о котором в их памяти хранились достаточно ясные и зримые представления. То есть социальный идеал — как платоновский «золотой век» — оказывался в прошлом.

Единство этнокультурного разнообразия

Освоение территории Кавказа происходило, как уже отмечалось, немногочисленными и разрозненными группами. Это во многом и предопределило формирование различных этнических общностей как наиболее эффективной и жизнеспособной формы кооперации людей в горных условиях.

Такая концентрация этнического разнообразия региона

Василий Верещагин. Лезгинка. 1867 год

О существовании в прошлом на Кавказе единого культурного пространства свидетельствует и сама логика, по которой различные этносы могли сосуществовать и взаимодействовать. Такая логика предполагала соответствие социального порядка, устанавливавшегося каждым этносом для себя, нормам жизни, принятым в непосредственном окружении. То есть в основе этнического разнообразия лежала единая система структурной организации и ценностной ориентации.

часто воспринималась и еще воспринимается сегодня как некая культурная конгломерация, лишенная внутреннего единства. Само понятие «кавказская культура» используется в литературе, как правило, в собирательном смысле. В основе такого понимания социокультурных реалий Кавказа лежит, как нетрудно заметить, абсолютизированный лингвистический подход. Однако при других подходах (ценностном, системном и др.) обнаруживается нечто общее, присущее каждому этносу. Территориальное разделение этнических общностей не означало их полной изолированности друг от друга. При всех трудностях горных условий они всегда поддерживали между собой определенные связи. Эти связи играли, види-

мо, не последнюю роль при формировании единой модели социальной организации этнических общностей на Кавказе. Следы такой модели наблюдаются еще в наше время. Правоммерно говорить о существовании здесь в прошлом единого ценностно-смыслового пространства. Об этом свидетельствуют, в частности, особенности самосознания человека. При самоидентификации он может отнести себя к своей личности, к личности своего отца, к роду, общине, субэтносу, этносу и «суперэтносу» (по определению Льва Гумилева). Каждый кавказский этнос и сегодня осознает свою принадлежность к общекавказской культурной общности, но не относит себя ни к западной, ни к восточной, ни к северной, ни

к южной мегакультурной агломерации.

О существовании в прошлом на Кавказе единого культурного пространства свидетельствует и сама логика, по которой различные этносы могли сосуществовать и взаимодействовать. Такая логика предполагала соответствие социального порядка, устанавливавшегося каждым этносом для себя, нормам жизни, принятым в непосредственном окружении. То есть в основе этнического разнообразия лежала единая система структурной организации и ценностной ориентации. А различия между этносами не мешали им сосуществовать и взаимодействовать в интересах каждого из них в отдельности.

Таким образом, в прошлом на Кавказе был накоплен уникальный культурно-исторический опыт: на сравнительно небольшом географическом пространстве сконцентрировалось большое количество различных, хотя и небольших по численности, этнических общностей, которые в процессе освоения горной территории и взаимодействия

друг с другом образовали единый суперэтнос (мегаобщность). При этом этносы не смешивались, не растворялись друг в друге, как это происходило на равнине. Сохраняя себя, каждый из них способствовал сохранению этнического разнообразия Кавказа.

Внутреннее социальное устройство этноса

Как уже отмечалось, этнос представлял хорошо организованную и четко упорядоченную социальную организацию. Порядки, правила, нормы и другие условия жизни людей были жестко регламентированы и систематически воспроизводились. Внутри такой организации люди были тесно связаны, и каждый из них хорошо осознавал свою включенность в систему определенных социальных отношений. Чтобы поддерживать эту взаимосвязь, в обществе функционировала целая сеть различных институтов (семейных, патронимических, родовых, общинных и др.).

Формообразующим началом любого сообщества людей, в том числе и этнического, является, как известно, отдельный человек. Но он не может существовать изолированно. Ему приходится объединяться с другими. Прежде объединение людей происходило как по кровнородственному (семья, патронимия, род и др.), так и по территориальному принципу (община, субэтнос и др.). Наиболее эффективными микроформами кооперации людей в условиях гор были семья и община. Личность, семья и община оказывались в тесной взаимосвязи, они формировали друг друга, и одна без другой не могла существовать.

Одна из особенностей горного этноса состояла в том, что он опирался на сбалансиро-

ванное сочетание личностного и коллективистского начал. Каждое из этих начал играло свою роль в жизни этноса. Здесь личность не была подавлена или растворена в коллективе. Напротив, коллектив нуждался в одаренной личности, способной отличаться не только своими героическими деяниями, но и умом. Вся информация, которой располагала и пользовалась общность, хранилась и передавалась из поколения в поколение через живую память людей. Потому здесь сформировалась прослойка сказителей исторических преданий — своеобразная каста жрецов-мудрецов, игравших важную роль в жизни общества. Формирование таких личностей происходило через семью и общину.

Семья и семейные отношения были также строго регламентированы и во многом сакрализованы. Ролевые функции членов семьи четко распределялись традицией: мужчина отвечал за безопасность и выполнял более трудоемкую хозяйственную работу, а женщина вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей. Фактически в семье человек проходил полный курс социализации, после чего он мог стать полноправным членом общины и этноса в целом.

Вступая в общину, человек оказывался в зависимости от нее. Добиться в ней желаемого положения каким-то спекулятивным путем он не мог. У него была единственная возможность удовлетворить свои субъективные интересы и амбиции — строго следовать принятым в общине правилам и нормам совместной жизни. Нарушение их могло иметь непоправимые последствия. Община выносила окончательный вердикт, оценивая своего члена. И это решение не могло быть оспорено. Но в

то же время община предоставляла каждому члену возможность отличиться своими деяниями и добиться от нее желаемой оценки его личностного «Я».

Объединение людей внутри этноса происходило не только по кровнородственному и территориальному признакам. Этнос структурировался и по социальным слоям, главными из которых были князья, дворяне и свободные крестьяне. Взаимоотношения между ними выстраивались по определенной иерархии: по своему социальному статусу князья занимали самое высокое положение, чуть ниже находились дворяне, еще ниже — свободные крестьяне. Они находились не только в вертикальной соподчиненности одних другим, но и в определенной взаимозависимости, что способствовало сохранению социальной стабильности и укреплению единства общества. Все три слоя были «стражами» (в соответствии с известной классификацией Платона) общества и оберегали его безопасность. Невоенный не мог быть уважаемым и занимать высокое положение в этом обществе.

Наряду с этим каждый из слоев выполнял свои специфические функции: князья управляли, дворяне выступали своеобразными духовными наставниками общества, свободные крестьяне производили материальные блага. Различия в их социальном статусе регулировались функционировавшими институтами и не доводились до открытого противостояния между ними. Жизнь внутри этноса была хорошо налажена, стабильна и упорядочена. Люди четко знали правила и нормы совместной жизни и старательно их соблюдали. Они сами могли следить за своими действиями, держать себя в рамках принятых в обществе норм, наказыв-

Франц Рубо. Набросок

Семья и семейные отношения были также строго регламентированы и во многом сакрализированы. Ролевые функции членов семьи четко распределялись традицией: мужчина отвечал за безопасность и выполнял более трудоемкую хозяйственную работу, а женщина вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей.

вать тех, которые их нарушали, и умели управлять собой. Среди них не было чиновников-управленцев, надзирателей и других лиц, поставленных следить за ними и за порядком в обществе. В связи с этим уместно вспомнить слова Джеймса Белла, знавшего Кавказ не понаслышке: «Что же должно быть показателем совершенства системы общественного устройства? — безопасность граждан, степень их благополучия, не так ли? На Кавказе такие порядки, система управления, какие не встретишь нигде в мире. Население не обременено налогами, у них нет ни регулярной армии, ни судей, ни прокуро-

ров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы тоже отсутствуют. Образ жизни этих людей в общественных местах безупречен, они сами определяют границы своей свободы».

Социальные отношения или игры?

Отношения между людьми внутри этноса были так же строго регламентированы и формализованы. Здесь каждый стремился выразить прежде всего свое уважительное отношение к другому. Демонстрация подобного отношения к ближнему входила в обязанность каждого. Внеш-

нему наблюдателю порой могло показаться, что человек в этом обществе живет не столько для себя, сколько для оказания внимания другому. И напротив, невнимательность к другому (родственнику, соседу и др.) или неумение оказывать ему внимание здесь порицались.

Причем сама процедура оказания внимания другому, ритуал, соблюдавшийся при этом, требовал от человека изысканного умения, тонкого понимания и оценки ситуации. Поэтому каждый старался выполнить это нормативное предписание лучше другого. Тем самым члены общины и этнической общности в целом оказывались участниками своеобразного театрализованного представления, состязания, в котором каждый старался лучше другого уделить внимание своему социальному партнеру. Что же побуждало их уделять друг другу такое пристальное внимание?

Презентация «тимоса»

Каждый человек, будучи членом общины, оказывался в зависимости от нее. Идентифицируя себя через общину, он в то же время хорошо осознавал себя, свое «Я». Его индивидуальное самосознание, выраженное в форме «Я», включало в себя и самооценку — «тимос», по словам Платона, — имевшую для него принципиальное значение. Но такая самооценка могла иметь значение лишь после признания ее другими членами общины. Потому человек старательно представлял себя всеобщему обозрению, стремился обратить на себя внимание других и уделял им внимание с тем, чтобы и они обратили на него внимание и высоко его оценили. Желание быть признанными побуждало людей к активной публичной жизни, к участию в различных

массовых мероприятиях (народных собраниях, свадьбах, похоронах и др.), где каждый мог проявить свое «Я». Подобные игры — правда, в деформированном виде — еще можно наблюдать и в наши дни. Но к демонстрации своего «тимоса» стремились и другие члены общины, вследствие чего их совместная жизнь превращалась в формализованное массовое представление, в котором каждый стремился заполучить искомую оценку. В этом представлении всё имело значение. Оценивались внешность, осанка, манера, красота, походка, жест. Принимались в расчет строгость, собранность, целеустремленность, тонкость. Имели значение выражение, иносказание, храбрость, благородство, скромность, гордость и многие другие особенности и качества личности. Причем важными были не столько сами по себе отношения между людьми, сколько формы выражения этих отношений. Данное обстоятельство дает основание считать кавказскую культуру этикетной, в которой «игровой элемент» занимал существенное место.

В то же время кавказская культура отличалась закрытостью. Преподнося себя другому, человек в то же время скрывал нечто важное, ценное, дорогое, святое, к которому он трепетно относился и которое старательно оберегал. Он мог лишь слегка приоткрыть себя, как бы интригуя внешнего наблюдателя, обращая его внимание на свое «Я». Но человек здесь мало что говорил об этом своем «Я». Его задача как раз сводилась к тому, чтобы другой думал о нем так, как он сам думал о себе. Но открыто сказать о своем желании он не мог. Его самооценка была скрыта, и внешнему наблюдателю приходилось ее раскрывать, что было сделать нелегко. Здесь любое действие, в том числе и

телесное, являлось замысловатым, насыщенным смыслом, а слово, как правило, выражалось иносказательно. Даже скромность, сдержанность человека в этих условиях могли быть формой трансляции его внутренней горделивости. Истолковать культурный текст (живое действие, жест, слово, символ и др.) можно было лишь через контекст и подтекст.

Что же скрывалось под «тимотическим» сознанием горца? Зачем ему надо было, чтобы другие думали о нем хорошо?

Ценностно-смысловой мир этноса

Чтобы проникнуть вглубь внутреннего мира горца и раскрыть скрытые в нем тайны, надо рассмотреть его в контексте той культуры, которая формировала и определяла основной вектор его ценностных ориентаций.

В основе этой культуры лежала определенная, испробованная на опыте иерархия ценностей. Базовыми среди них являлись стыдливость, совесть, человечность, достоинство и честь.

В этой иерархии не было более важной и значимой для человека ценности, чем достоинство и честь. «Каждый оборванный горец, — писал русский автор XIX века Николай Дубровин, — сложив руки накрест, или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной. <...> Во всем видны гордость и сознание собственного достоинства».

Казалось бы, не честь, а жизнь как абсолютная ценность должна была бы занимать высшее место в этой иерархии. Но здесь человек жил по другой максиме; для него честь была ценнее самой жизни! Таков был «категорический императив», принятый в обществе

и закрепленный в культуре. Честь для горца была той ценностью, во имя которой он жил. Именно через честь он оценивал свою жизнь и придавал жизни определенный смысл. Потому не всякая жизнь его устраивала. Он стремился к такой жизни, при которой мог заслужить высокую честь и гордиться ею. Жить без чести — позор, удел немногих, которые не пользовались уважением в обществе. Такая жизнь — мучение, наказание, она не имела смысла.

Что же горец понимал под честью?

Вступая в жизнь общества, он предстал перед другими тем, кем реально являлся. Горец демонстрировал прежде всего свое личностное достоинство, которое здесь больше всего ценилось в человеке. Честь была своеобразным символом, выражавшим личностное достоинство горца, его интегрированным идеальным образом, с которым он отождествлял себя.

Это дает основание думать, что честь являлась также высшей степенью осознания горцем своего личностного достоинства. Осознавая собственное достоинство, он выражал и свое отношение к нему. Хотя это отношение демонстрировалось неявно, нетрудно было заметить, сколь ревностно каждый относился к личностному достоинству и чести и оберегал их.

В собственных представлениях горец воспринимал себя не только таким, каким он был на самом деле, но и таким, каким хотел себя видеть. Хотя внешне он и был доволен своим положением в обществе, но все же испытывал некоторую социальную стесненность, что стимулировало его стремление к идеалу. Как раз через субъективное рефлексирование он пытался преодолеть эту стесненность и выйти на новый уровень, где

Не было более важной и значимой для горца ценности, чем достоинство и честь. «Каждый оборванный горец, – писал русский автор XIX века Николай Дубровин, – сложив руки накрест, или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной».

он мог бы полнее осуществлять свои честолюбивые замыслы. Он мечтал о мире, в котором являлся бы самым уважаемым и пользовался бы вечной и немеркнувшей славой. Во имя славы он готов был умереть. Он смерти – особенно «красивой», «хорошей» – не боялся, даже мечтал о ней. Вся его жизнь была своеобразной подготовкой к смерти, которая мыслилась им как продолжение жизни. Массовые проводы его в последний путь, плач женщин, напутственные слова мужчин в его честь – всё это театрализо-

ванное представление воспринималось им как выражение той славы, о которой он мечтал. Грезы горца были своеобразной медитацией, в которой он мог созерцать себя в предельно идеализированном, совершенном виде.

Думая о себе хорошо, он добивался того, чтобы и другие думали о нем так же. Ведь честь, не признанная другими, смысла не имела.

О желании быть признанным

Но добиваться признания своей чести другими было не-

легко. Честь не передавалась по наследству; ее надо было заслужить прижизненно. Можно было заслужить ее лишь своим изысканным и отточенным поведением, требовательным отношением к себе и другим, значимыми для общества деяниями, демонстрациями образцов мужества, рыцарства, благородства, красоты, самопожертвования и др. Только человек, готовый к самопожертвованию во благо других, мог быть уважаемым другими и занимать высокое положение в обществе. Повлиять на общественное мнение, выносившее окончательную оценку «тимоса» горца, каким-либо другим способом было невозможно.

При этом в действиях горца, направленных на приобретение чести и признание ее другими, хорошо просматривалось вынашивавшееся им желание: понравиться другим, чтобы быть уважаемым ими. Нетрудно понять прагматический смысл этого желания – ведь быть неуважаемым другими, живя среди них, было очень трудно. А уважение, напротив, открывало перед ним перспективы занять среди окружающих желаемое положение. Только будучи уважаемым, человек мог подниматься по социальной лестнице – и лишь восходя по ней, он становился все более свободным и менее зависимым от других членов общества, что уже выдавало тайные устремления его индивидуального эго.

Желание горца быть уважаемым другими предполагало и возможность столкновения с ними: ведь чем больше отдельный человек становился независимым от других, тем больше последние оказывались в зависимости от него. Это, как правило, приводило к отношениям господства и подчинения – отношениям, чуждым кавказской культуре.

Михаил Лермонтов. Эпизод из сражения при Валерике. 1840 год

Она поддерживала стабильное равновесие во взаимодействии того, что Карл Юнг называл индивидуальным и коллективным эго, и не допускала открытого конфликта между ними. Будучи жесткой системой, кавказская культура ограничивала возможность непомерного проявления личной пассионарности человека и устанавливала границы его свободы. Здесь отдельное существовало во благо общего. Эта культура ориентировала человека не на освоение природных ресурсов и улучшение своего материального благосостояния, а на нравственное совершенствование собственного духовного мира, на самоуважение и уважение другого, что служило фундаментом стабильности кавказского общества. Такая культура являлась культурой военно-аристократического общества, в котором потенциал человека тратился не на увеличение пространства своего обитания, как на равнине, а на освоение исторического времени — как на своеобразное выражение устремленности гор ввысь. В этой культуре

время обладало приматом над пространством.

Переходный процесс или кризис культуры?

Однако сколь бы ни гордился горец собой и ни старался увековечивать свой ценностный мир, изменения в его образе жизни все же происходили. Кавказ не был отгорожен от внешнего мира, под влиянием которого менялся традиционный уклад жизни, существовавший здесь столетиями. Трансформировалось своеобразие кавказской культуры — а значит, становился иным менталитет горца.

Эти изменения усилились в связи с промышленной революцией, обострением борьбы за ресурсы между ведущими геополитическими игроками и нарастающим ускорением трансформационных процес-

сов в мире. Кавказ вскоре превратился в арену столкновения различных культурно-цивилизационных моделей жизнеустройства. События часто развивались здесь и по военному сценарию с катастрофическими последствиями в исторической судьбе многих народов кавказского сообщества.

Культурно-цивилизационные процессы, начавшиеся в регионе в последние столетия и продолжающиеся поныне, коренным образом изменили условия жизни горца. Теперь от него требовалось обновлять унаследованный от своих предков социальный мир, в котором он жил и которым так гордился. Но формировать социальное будущее в соответствии с традиционными ориентирами стало трудно. Чтобы обновлять свое жиз-

Во имя славы он готов был умереть. Он смерти — особенно «красивой», «хорошей» — не боялся, даже мечтал о ней. Вся его жизнь была своеобразной подготовкой к смерти, которая мыслится им как продолжение жизни. Массовые проводы его в последний путь, плач женщин, напутственные слова мужчин в его честь — всё это театрализованное представление воспринималось им как выражение той славы, о которой он мечтал.

Франц Рубо. Черкесские всадники у реки

Эта культура ориентировала человека на нравственное совершенствование собственного духовного мира, на самоуважение и уважение другого, что служило фундаментом стабильности кавказского общества. Такая культура являлась культурой военно-аристократического общества, в котором потенциал человека тратился не на увеличение пространства своего обитания, как на равнине, а на освоение исторического времени – как на своеобразное выражение устремленности гор ввысь. В этой культуре время обладало приматом над пространством.

неустройство, ему приходилось опираться не только на опыт предков, но и на наследие других стран и народов. Пришлось также учиться и социальной креативности. А ведь раньше в ней не было особой надобности.

Поддерживать свое существование в условиях менявшегося мира оказалось непривычным и трудным делом. Надо было в спешном порядке менять знакомый образ жизни, отношение к себе и к окружающему миру. Но расстаться с образом жизни, формировавшимся веками, и заменить его в одночасье другим, как того требовало время, горец не мог. В то же время не мог он и не считаться с требованиями нового времени. В результате че-

ловец оказался в непривычной ситуации, когда ему пришлось одновременно жить в разных временных координатах. Чтобы выживать в этих условиях, он стал механически совмещать разные по своему смыслу и происхождению, подчас трудносовместимые, ценности и стандарты жизни. Так горец оказался в культурно-исторической диахронии, в переходном процессе, в точке пересечения двух разных культур – традиционной и новой, ему еще неизвестной. Он начал превращаться в носителя разных ценностей – как своих, родных, так и чужих, не выношенных им. Его ценностная ориентация стала резко меняться. Скорректировалась и иерархия ценностей, в кото-

рой духовные ценности, ранее доминировавшие в жизни горца, стали уступать свое место материальным. Оказавшись в амбивалентном состоянии, он продолжал по-прежнему подчеркнuto демонстрировать приверженность родной культуре, но реально перестал жить по ее канонам.

Правда, горец и сегодня испытывает ностальгию по своей традиционной одежде, ставшей уже музейным экспонатом. Но одеваться в нее он уже не может, ибо она не соответствует его образу жизни. Она просто ему не идет, ибо он сам стал уже другим. Сегодня нетрудно заметить, как он утратил свои былые качества – красоту, изящество, холеность, строгость, степенность, собранность, благородство, цельность и другие достоинства, которыми раньше мог по праву гордиться и восхищаться ими окружающих. Старая одежда была одеждой рыцаря-воина. Но таковым считать себя сегодня горец без лукавства не может.

Не может, ибо он ведет уже другой образ жизни. Теперь у

него даже походка другая. И самое главное — ныне он оценивает себя не духовными ценностями, а своим материальным состоянием, через которое рассчитывает стать уважаемым другими и занять престижное положение в обществе. Во всей его жизни, в отношении к себе и другим просматривается дефицит нравственности. Теперь это отношение опосредовано главным образом через товарно-денежные отношения. Жизнь стала ценнее чести, которая свелась к сугубо инструменталистским функциям. Но смысл жизни он видит в вещном мире, в наслаждении и удовлетворении своих витальных потребностей.

При этом ему кажется, что его индивидуальное эго получило широкий простор. Нет той общины, которая так опекала его прежде. Он как бы больше предоставлен самому себе, больше независим от других. В то же время он чувствует, как сфера его свободы ограничивается тем же вещным миром. Он не особенно уютно чувствует себя в новом мире, в котором ему приходится жить. Нет в нем былой уверенности в себе, самодостаточности, внутренней стабильности, цельности натуры и гордости за себя. В глубинах души, в подсознании он переживает отсутствие того, что Владимир Соловьев называл «полнотой бытия», которой он раньше обладал. Горько это чувствует, но не осознает еще на рациональном уровне и не знает, как изменить ситуацию. Правда, он по-прежнему с подчеркнутым старанием отождествляет себя со своей родной этнической культурой или кавказской культурой в целом. Однако в таком отождествлении просматривается фальшь: видимо, в своем подсознании он ощущает изменения, происходящие в его ценностной ориентации. Идентифицируя себя привычным

образом, он вступает в противоречие с самим собой: ведь живет он теперь не одними ценностями и нормами кавказской культуры. Но признаваться в этом он не хочет. Не может он не ощущать, как меняется его отношение к родной культуре, оцениваемой им уже с точки зрения ее технологической эффективности. Вынужден горько признать и то, что, оказавшись в трансформационном потоке, он перестает быть субъектом родной культуры и становится объектом глоболизирующейся цивилизации.

Отношение горца к родной культуре, к культуре предков ощущается им как некая греховность перед их памятью. Уязвимость нравственной позиции, занимаемой им сегодня, лежит на нем тяжким грузом, разрушающим его морально-психологические устои и мешающим ему в достижении искомой самооценки.

Уроки кризиса и перспективы самосохранения

Под кризисом культуры понимается такое состояние, когда в силу разных причин и обстоятельств начинает снижаться ее социальная дееспособность. В таком состоянии культура лишь частично выполняет свои базовые функции — человекоформирующие, ценностные, нормативные и др. В этих условиях начинаются снижение собственно духовного потенциала общества и нарастание в нем разрушительных процессов. Но кризис имеет не только разрушительный, но и созидательный потенциал. Чтобы выжить в экстремальных условиях, человеку приходится развивать свой интеллектуальный багаж, креативные способности, искать и находить нестандартные решения возникающих перед ним необычных задач. Разве не такой

задачей стала ныне необходимость осознанного влияния на ценностные процессы, происходящие на Кавказе?

Кризис как нельзя лучше показывает, что стремительное распространение ценностной модели техногенной цивилизации западного типа губительно для судеб не только кавказской культуры. Экспансия Запада на Восток осуществляется не только военной силой, но и ценностной переориентацией человека, деформацией его видового образа жизни, что не может продолжаться бесконечно.

Угроза, которую несет Запад человечеству, содержит в себе и позитивное начало: она может и должна стать фактором, объединяющим евразийское пространство. В основе объединительного процесса может лежать такая базовая потребность любой культуры, как самосохранение, обеспечение собственной самобытности.

Благо здесь можно учитывать социальный опыт как кавказской, так и русской культур. При всех коллизиях и трагических последствиях, сопутствовавших их встраиванию в единое геополитическое пространство, Россия и на Кавказе не пошла по пути устройства «плавильного котла». Именно под влиянием русской культуры народам кавказского сообщества все же удалось, в отличие от аборигенов Америки, выжить и вступить в новую стадию социального развития.

Следует также учитывать духовный потенциал русской культуры, способный во многом предопределить перспективы евразийской интеграции. Собираемые евразийской территории, характеризующейся чрезвычайным разнообразием культур, может быть успешным проектом лишь на базе межкультурного диалога и соразвития.